

УДК 821.112.5-343-93

ББК 84(4Нид)-442

К11

Иллюстрации Ольги Сердюковой

Оформление серии «Классика Самоката» Поли Плавинской

Кёйер, Гюс.

К11 Книга всех вещей: [для среднего школьного возраста] / Гюс Кёйер; пер. с нидерл. Екатерины Торицыной; ил. Ольги Сердюковой. — М.: Самокат, 2020. — 136 с.: ил. — (Классика Самоката). — ISBN 978-5-91759-742-3.

Девятилетний Томас часто видит то, чего не видят другие: тропических рыбок в городских каналах; необыкновенную красоту Элизы, девушки с кожаной ногой; доброту старушки соседки, которую все считают ведьмой. И Иисуса, который частенько приходит к Томасу поболтать. Но кроме этого, он видит, как отец бьет мать, и даже Иисус здесь бессилён. И только благодаря друзьям Томас однажды понимает: чтобы стать счастливым, нужно просто перестать бояться.

«Книга всех вещей» отчасти автобиографична: автор описывает в ней свое послевоенное детство в «прозрачной» Голландии — стране, где окна не закрывают занавесками, ведь настоящий протестант не грешит, потому что нет надежнее укрытия для жестокости и несправедливости, чем имя Бога. Практически сразу после выхода книга стала абсолютным мировым бестселлером, сделав Гюса Кёйера одним из самых знаменитых голландских писателей.

Copyright © 2004 by Guus Kuijer. Amsterdam,
Em. Querido's Uitgeverij B.V.

© Kuijer, Guus © Jaco Klammer, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-742-3

ПЕРЕД ТЕМ КАК НАЧНЕТСЯ РАССКАЗ

С вами я могу быть совершенно откровенным: история Томаса стала неожиданностью и для меня самого. Вообще-то я хотел написать совсем другую книгу. Трогательную и одновременно смешную. Книгу о моем счастливом детстве. О моем отце, который перед сном играл мне на скрипке. Как же это было красиво! О моей матери, которая очаровательно и так трогательно пела под его скрипку. О моих братьях и сестрах, носивших меня на руках. И о моих друзьях, приходивших ко мне на дни рождения играть в игру «укуси яблоко». Тогда книга называлась бы «Приключения счастливого ребенка». Я представлял себе, что она станет любимейшей рождественской книгой и что не только дети, но и папы и мамы, дедушки и бабушки и даже премьер-министр прочитают ее за один присест. Лучше всего при свечах, когда потрескивает огонь в камине, и с чашкой горячего какао в руках.

Но тут ко мне пришел господин Клоппер. Я с ним знаком не был. И он со мной тоже, но он хотя бы знал, кто я, потому что я всемирно известный детский писатель. Говорю об этом со всей скромностью.

Господину Клопперу ровно столько же лет, сколько и мне. Сейчас волосы у него совсем белые, а макушка лысая. Но и господин Клоппер когда-то был ребенком.

Мы сидели вдвоем у потрескивающего камина, когда господин Клоппер достал из сумки толстую школьную тетрадь.

— Я знаю вас как писателя, очень любящего людей, — сказал он.

Я кивнул, потому что это правда. Я очень-очень люблю людей. Хотя вообще-то можно было бы и поменьше.

— Поэтому я и хочу предложить вам почитать вот это. — Он вручил мне тетрадь. — Я написал это, когда мне было девять лет, — сказал он. — И недавно перечитал. Думаю, стоящая вещь. Но для начала, мне кажется, вы должны ее прочитать. Быть может, она слишком непочтительная.

Я испугался.

— Непочтительная? — спросил я в недоумении.

— Да, — ответил господин Клоппер. — У меня было несчастливое детство, а из-за этого становишься непочтительным.

Я уставился в потрескивающий огонь. Непочтительность — это действительно проблема. В детских книжках уж точно.

— Я ее посмотрю, — пообещал я. — И дам вам знать.

И я проводил господина Клоппера.

— А вы по-прежнему непочтительны? — спросил я, когда он был уже в дверях.

Господин Клоппер кивнул.

— В вашем-то возрасте?

— Что уж тут сделаешь, — ответил он. И скрылся за пеленой густого снегопада.

В тот же день я прочел «Книгу всех вещей» на одном дыхании. Она была непочтительная. Сам я очень почтителен, но мне легко говорить. У меня было счастливое детство. Всю неделю я ходил в прекрасную школу. Учительница Спицына! Учитель Пилозуб! Каждый вечер сладостная скрипка отца и прелестное сопрано матери! У меня нет никаких причин быть непочтительным, но не-

счастливые дети тоже имеют право голоса. По крайней мере, я так думаю.

Я позвонил господину Клопперу, и мы договорились встретиться. Вместе мы провели у потрескивающего камина много часов, и так родилась эта книга.

— Слушай, Томас, — спросил я в тот последний вечер, — тебе удалось? — Потому что мы уже стали называть друг друга по имени.

— Что удалось, Гюс? — уточнил он.

— Ты стал счастливым, Томас?

— Да, — сказал он.

И мы выпили по чашке горячего какао.





Томас видел то, чего не видел никто другой. Он не знал почему, но так было всегда. Он помнил, как однажды пошел очень сильный град. Томас запрыгнул под навес и смотрел, как град сбивает с деревьев листья. Потом бросился домой.

— Осень началась! — крикнул он. — С деревьев падали все листья.

Мама посмотрела в окно.

— Да нет, — сказала она. — С чего ты взял?

Томас понял, что она права. Деревья по-прежнему всю зеленели.

— Тут нет, а на улице Яна ван Эйка все листья на земле.

— Ах вот как, — сказала мама. По ее лицу было видно, что она ему не поверила.

Томас пошел к себе в комнату и взял тетрадь, в которой он записывал все важные события своей жизни. Она называлась «Книга всех вещей». Он взял ручку и начал писать: «Шел такой сильный град, что листья сбивало с деревьев. Это случилось по-настоящему, на улице Яна ван Эйка, когда мне было девять лет, летом 1951 года».

Томас посмотрел в окно, чтобы подумать, потому что по-другому он думать не мог. А может, и наоборот: если было окно, то почему-то он начинал думать. И написал: «Когда я вырасту, я стану счастливым».

Тут он услышал, что домой пришел отец, и вдруг подумал: «Сейчас полшестого, а я до сих пор не знаю, о чем моя книга. О чем бывают книги?»

Томас задал этот вопрос за ужином.

— Про любовь и все такое, — захихикала его сестра Марго, ученица гимназии и безнадежная дура.

Но папа сказал:

— Все важные книги — о Боге.

— О любви и Боге, — уточнила мама, но отец посмотрел на нее так строго, что она покраснела.

— Кто из нас книги читает? — спросил он.

— Ты, — ответила она.

— Так, значит, кто знает, о чем книги, ты или я?

— Ты, — сказала мама.

«Когда я вырасту, я стану счастливым», — подумал Томас, но вслух этого не произнес. Он посмотрел на маму и увидел, что ей грустно. Ему захотелось встать и обнять ее, но так сделать было нельзя. Он не знал почему, но понимал, что это невозможно. Так что он остался сидеть на стуле как прикованный.

Марго опять захихикала. Это оттого, что она такая дура.

— На улице Яна ван Эйка шел сильный град, даже листья падали с деревьев, — произнес Томас вслух.

Мама посмотрела на него и улыбнулась. Казалось, он все-таки обнял ее, так она обрадовалась.

«Это было тайное послание, понятное только маме», — решил Томас. Так оно и было, потому что папа и Марго по-прежнему смотрели в тарелки.

Когда мама провожала его спать, она спросила:
— Тебе будут сниться интересные сны, мой маленький фантазер?

Томас кивнул.

— Я хороший, да?

— Ты самый лучший мальчик на свете, — сказала мама.

Она обняла его и сильно прижала к себе. Томас почувствовал, что она чуть-чуть плачет. Внутри у него похолодело, и он подумал: «Бог его ужасно покарает, моровой язвой или еще чем-нибудь».

Но потом, когда он лежал один и смотрел в темноту, ему стало страшно, что Бог, может быть, сердится. Томас сказал: «Мысли сами приходят мне в голову. И на самом деле я так не думаю, так что это не считается. Я ведь даже не знаю, что это такое — моровая язва».

И тогда он уснул.

Всю неделю стояла такая жара, что по каналам поплыли тропические рыбки. Томас видел их своими глазами. Это были меченосцы. Он знал это наверняка, потому что в его аквариуме тоже жили меченосцы. Это такие забавные рыбки, которые смешно танцуют в воде, когда влюбляются.

Томас видел их неподалеку от девчоночьего лица, где училась Марго. Он лежал в траве на животе и смотрел с набережной Рейнира Винкелеса, как рыбки проплывают мимо. Сразу целыми десятками. По дороге домой он задумался, поверит ли ему кто-нибудь. И тут он встретил Элизу. Ей было уже шестнадцать. Она училась в одном классе с Марго и жила по соседству, за углом. У нее была искусственная кожаная нога, скрипевшая, как новые ботинки.

— В канале плавают тропические рыбки, — сказал он.

Элиза остановилась, из-за этого ее нога перестала скрипеть.

Томаса как будто ударило током, когда он вдруг заметил, какая она красивая.

— Это потому, что их спускают в унитаз, когда уезжают в отпуск, — ответила она.

В этот момент Томас не мог ни о чем думать, потому что Элиза смотрела прямо на него своими синими глазами.

— И из-за жары, — промямлил он.

— Кстати, в канализации живут еще и крокодилы, — добавила Элиза. Она опять заскрипела, потому что пошла дальше.

Томас последовал за ней.

— Честно? — спросил он. — Ты сама видела?

— Одного, — ответила Элиза, — размером с мой мизинец. В туалете. — Она взмахнула рукой на прощание.

Томас испугался, потому что на ее руке был один только мизинец. Другие пальцы отсутствовали.

— Ого, — только и смог сказать Томас. Затем дождался, пока Элиза скроется за углом, и почувствовал испуг



где-то в глубине живота. Но в голове у него звенели веселые колокольчики. «Она красивая, — подумал он. — Ее не удивляет то, что я вижу. Она понимает, что это правда. Значит, Элиза тоже знает».

По дороге домой Томас размышлял: «А что она знает?» Было трудно думать вдали от окна. «Я не могу объяснить, что знает Элиза, но я тоже это знаю: какой-то я другой». А уже дома, стоя у окна, он подумал: «А куда, интересно, делись ее остальные пальцы?»

«Воскресенье — единственный день, который надо толкать перед собой, как тачку, — написал Томас в “Книге всех вещей”. — Остальные дни сами катятся вниз с моста».

По воскресеньям семья Томаса ходила в церковь. Не в обычную церковь рядом с домом, а в особую, далеко. Эта церковь находилась в обычном доме без башни. Иногда во время службы даже было слышно, как соседи сверху пылесосят. Почти никто, кроме папы, мамы, Марго и Томаса, не посещал эту церковь. Мама всегда надевала шляпу, а Марго — платок, потому что в этой церкви так надо. Нельзя, чтобы кто-то видел, какая у женщин прическа. Мужчин это не касалось, у них ведь прически нет.

Они ходили туда пешком, потому что Бог не хочет, чтобы в воскресенье ездили трамваи. А они все равно ездят, и Богу это не нравится.

Вообще, в мире есть две самые ужасные вещи. Первая — быть за нацистов во время войны. Вторая — сидеть в воскресенье в трамвае.

Томас представлял себе, как будто трамваев нет. Он думал так про все, что запрещено: про трамваи, машины, велосипеды и мальчишек, играющих на улице в фут-

бол. Птицам петь разрешалось, они ведь не могли знать, что сегодня воскресенье. Потому что у них нет души.

В церковь пришло около двадцати старых-престарых людей, все они были слепые, глухие или хромые. Ну или хотя бы с двумя бородавками на подбородке. Кроме Томаса и Марго, присутствовало еще два ребенка. Две сестрички. Их личики, выглядывавшие из платочков, были такие бледные, будто девочки собирались в скором времени умереть. «Думаю, что до 1955 года они протянут, — написал Томас в “Книге всех вещей”, — но потом уже станут совсем мертвыми, и их закопают. Да упокоятся они с миром отныне и во веки веков». Эти слова Томас писал, явственно ощущая ком в горле — так жалко ему стало девочек. Но ничего уж тут, к сожалению, не поделаешь.

Церковная служба шла долго. Народ Израиля, ропща, плелся по пустыне, а скамейки в церкви были жесткими. Веселее всего было петь «туда-сюда». Выглядело это так: лысый мужчина в черном платье с кучей пуговиц пел в одиночку. А остальным надо было петь в ответ. Снова и снова. По очереди. Черное платье все время пело разные слова, а остальные отвечали одно и то же: «Добрый властитель быков, спаси наши несчастные воскресенья»*.

Томас подпевал во весь голос. При этом он пытался сосчитать пуговицы на черном платье, но все время сбивался.

По дороге домой Томас заметил, что отец на что-то сердится. Отец смотрел прямо перед собой и молчал. За столом после молитвы он сказал: «Томас, встань».

* Томас неправильно расслышал слова литании: «Боже милосердный, помилуй нас, жалких грешников».

Томас как раз хотел положить в рот вилку с наколотой на нее картошкой и горошком. Вилка застыла в воздухе.

— Встать? — переспросил он.

— Встать, — повторил отец.

— Зачем? — с беспокойством спросила мама.

— Потому что я так сказал, — ответил отец.

— А вот почему, — сказала Марго.

Томас положил вилку на тарелку и встал.

— Хи-хи-хи, — захихикала Марго, потому что она глупая, как луковица. Просто непонятно, как ей удастся получить в лицее восьмерки, девятки и десятки**.

— Повтори, что ты пел во время литании, — сказал отец с застывшим лицом. (Литания — это пение «туда-сюда» в церкви.)

Томас посмотрел на маму.

— На меня смотри и пой, — потребовал отец.

Томас набрал в легкие воздух и спел: «Добрый властитель быков, спаси наши несчастные воскресенья».

Стало тихо-тихо. Томас увидел перед собой черное платье с целой тысячей пуговиц. Два воробья на подоконнике пронзительно трубили в крохотные трубы, потому что не знали, что сегодня воскресенье.

Мама сказала:

— Ему всего девять лет. Он не специально.

Папа промолчал. Он торжественно положил вилку и нож на тарелку и начал медленно подниматься. Он все

** В школах Нидерландов успеваемость оценивается по десятибалльной шкале: от 1 (очень плохо) до 10 (отлично). Если ученик получил по какому-либо предмету 3 и ниже, то считается, что он завалил предметы.

рос и рос, пока его голова не оказалась выше, чем лампа над столом.

Все живое на земле затаило дыхание. Воробьи на подоконнике поперхнулись своими трубами. Солнце затмилось, и небо съежилось.

— Что ты хочешь сделать? — слабым голосом спросила мама. Она вскочила и потянула Томаса от стола.

— Отойди, жена, — сказал отец голосом великана. — Я говорю с твоим сыном.

Но мама потянула Томаса еще дальше от стола и положила руку ему на плечо. Тут вдруг вперед вылетела папина рука и звонко ударила маму по щеке. Она отшатнулась и отпустила Томаса.

Ангелы на небе закрыли глаза руками и разрыдались, ведь они всегда так делают, когда муж бьет жену. Великая печаль опустилась на землю.

— Папа, — прошептала Марго.

— Помолчи! — взревел отец. — Томас, иди наверх. И не забудь взять ложку.

Томас развернулся, пошел на кухню и взял деревянную ложку с полочки. Потом бегом поднялся по лестнице в свою комнату. Он сел у окна и стал смотреть на улицу, но думать не мог. Мир был пуст. Будто все, что было раньше, кто-то мысленно стер. Остался только звук. Томас слышал звонкий хлопок по маминой щеке. Он слышал все отцовские пощечины маме, целый дождь из пощечин, как будто на улице Яна ван Эйка идет град и с деревьев облетают листья. Он зажал уши руками.

Просмотрев в никуда целую вечность, Томас услышал, прямо через закрытые уши, как отец тяжело подни-

